

Изъ старыхъ записей издателя „Русскаго Архива“.

о К ю х е л ь б е к е р ь.

(Записано со словъ П. А. Плетнева. 1852, Мая 8.)

Вильгельмъ Карловичъ по окончаніи курса въ Лицеѣ¹⁾, гдѣ былъ товарищемъ Пушкина (Пушкинъ называлъ его Кюхлюе), опредѣлился учителемъ словесности въ Университетскій Пансіонъ²⁾ при Петербургскомъ университетѣ. Онъ былъ бѣденъ, цылокъ, взбалмошенъ. По дружбѣ съ Пушкинымъ онъ вошелъ въ кругъ Тургенева, Жуковскаго и другихъ. Черезъ посредство этихъ людей онъ получилъ новое, лучшее мѣсто: секретаря при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, съ которымъ и отправился въ Парижъ. Надо сказать, что еще въ Петербургѣ оказывалась его неугомонная природа. Онъ принадлежалъ къ обществу *Избраннаго Михаила*(?). (См. также посланіе Пушкина къ Мечтателю). Въ Парижѣ онъ вздумалъ читать публично лекціи Русской литературы, заносился Богъ вѣсть куда, либеральничалъ до-нельзя. Нарышкинъ вынужденъ былъ замѣтить ему неприличіе такого поведенія и предлагалъ ему оставить должность его секретаря, если онъ намѣренъ продолжать свои лекціи. Кюхельбекеръ потерялъ мѣсто, и кое-какъ, чуть не пѣшкомъ дотащился до Петербурга. Здѣсь, хоть и бранили его, но по прежнему расположенію принимали участіе въ судьбѣ его. Ему доставлено было мѣсто на Кавказѣ у Ермолова, гдѣ онъ сошелся съ Грибоѣдовымъ и сходилъ съ ума отъ его комедіи. Но и тамъ онъ не долго прожилъ. За билльярдами сказалъ какую-то дерзость племяннику Ермолова *Похвисневу*, послѣ чего, разумѣется, съ нимъ перемѣнили ласковое обращеніе, уволили, а онъ написалъ грозное стихотвореніе (не напечатанное), которое начиналось стихами:

Проклятіе тому, кто оскорбилъ поэта,
Главу, любезную богамъ.

¹⁾ Мать Кюхельбекера находилась подъ покровительствомъ императрицы Маріи Оеодоровны.

²⁾ Здѣсь лекціи его слушалъ С. А. Соболевскій.

Въ проѣздѣ съ Кавказа въ Петербургъ, онъ издавалъ въ Москвѣ съ княземъ Одоевскимъ въ 1824 г. „Мнемозину“. Онъ вовлеченъ былъ въ дѣло 14 Декабря братомъ своимъ Михаиломъ, офицеромъ гвардейскаго экипажа: оба они принимали личное участіе въ бунтѣ. Изъ записокъ Пушкина (кот. я читалъ у Анненкова) видно, что онъ былъ схваченъ уже внѣ Петербурга. Пушкинъ трогательно описываетъ печальную встрѣчу съ нимъ на одной станціи по дорогѣ въ Псковъ, какъ жандармы не дозволили имъ разговориться. Говорятъ, что Кюхельбекеръ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ былъ пойманъ. Въ Сибири онъ женился и прижилъ сына Михаила, который подъ именемъ *Васильева* воспитывался въ одной изъ Петербургскихъ гимназій. Напечатана была уже по изгнаніи какаля-то драматическая піеса его, разумѣется, подъ чужимъ именемъ.—Плетневъ помнитъ, какъ на вечерахъ у него Кюхельбекеръ все хотѣлъ читать „Горе отъ Ума“, а Дельвигъ не соглашался, говоря, что они собрались къ Плетневу вовсе не для того, чтобы читаться, а чтобы разговаривать.

О немъ же.

(Отъ Соболевскаго, Ман 9, 1852.)

Кюхельбекеръ далъ плюху племяннику Ермолова *П. . . . ву*. По усмиреніи бунта ему удалось бѣжать. Онъ дошелъ до Варшавы; дальше не могъ идти за неимѣніемъ денегъ. Между тѣмъ разосланы были повсюду его примѣты и приказано ловить его. Въ Варшавѣ онъ справлялся о мѣстѣ жительства одного изъ своихъ знакомыхъ и былъ узнанъ однимъ полицейскимъ чиновникомъ, который и схватилъ его. Сначала онъ сидѣлъ долго въ Шлюссельбургской крѣпости, и оттуда уже перевезенъ въ Сибирь. Въ 1835 году напечатана присланная имъ оттуда піеса: „Ижорскій. Мистерія“ съ предисловіемъ, въ стихахъ. Она процензурована Семеновымъ, 10 Іюня 1833 года. Разумѣется его имени не обозначено. Кто занимался изданіемъ оной, неизвѣстно. У Соболевскаго есть нѣсколько его писемъ (1822 года или около): видно, что Соболевскій хотѣлъ ему доставить мѣсто учителя у А. Н. Соймонова. Кюхельбекеръ пишетъ между прочимъ, что у него много долговъ, которые тѣмъ для него тягостны, что его кредиторы—друзья его, надѣется уплатить ихъ, получивъ это мѣсто. Но дѣло не сошлось.

Передъ тѣмъ какъ Плетневъ познакомился съ Пушкинымъ, Кюхельбекеръ печаталъ съ кѣмъ-то журналъ, котораго вышло только 2 номера. Тамъ было напечатано чье-то стихотвореніе, называвшееся, кажется

„Деревня“. Нѣсколько стиховъ оттуда очень понравились Пушкину, и онъ повторялъ ихъ часто, прибавляя въ шутку, что если бы онъ и авторъ этихъ стиховъ жили въ Итали, то они такъ бы не раздѣлялись: Пушкинъ бы вонзилъ ему кинжалъ въ бокъ, а стихи присвоилъ себѣ.

Матюшкинъ рассказывалъ, что Пушкинъ дрался съ Кюхельбекеромъ за какое-то вздорное слово, но выстрѣлилъ на воздухъ они тотчасъ же помирились и продолжали дружбу.

Московскій архіепископъ Августинъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ нѣкою Марею Кроткою, которая чуть не жила у него на подворьѣ, что давало поводъ Московскимъ скалозубамъ къ разнымъ нелѣпымъ рассказамъ. Жизнеописателю Августина И. М. Снѣгиреву захотѣлось сохранить эту біографическую черту и въ своей книжкѣ объ Августинѣ онъ напечаталъ, что владыка послѣдніе годы любилъ жизнь тихую и *кроткую*. Въ концѣ книжки въ опечаткахъ стояло: на такой-то страницѣ вмѣсто кроткую слѣдуетъ Кроткую.

*

И. М. Снѣгиревъ, издавна служа въ Цензурномъ Комитетѣ, поднялся благодаря замолвленному за него слову Императрицы Маріи Ѳеодоровны 1-й. Живучи въ 1826 году въ Москвѣ, Государыня устраивала какое-то новое женское учебное заведеніе, и въ уставѣ онаго, поданномъ въ Цензурный Комитетъ для напечатанія, было написано: Въ такіе-то часы воспитанницы чинять свои дыры. Снѣгиревъ не допустилъ этого выраженія и предложилъ замѣнить его другимъ, за что и поблагодарила его Императрица.

*

Въ примѣръ полногласія Русскаго языка А. С. Хомяковъ приводилъ поговорку про человѣка легкомысленнаго:

Непокрытая вода,
Тараканъ палакалъ,
Муравей пализалъ,
Муха падала.

Или: Чаша моря Салавецка
Пить за здравье молодецка.

*

Графъ Д. Н. Блудовъ сказывалъ, что Екатерина Великая сказала однажды: „Только дозволить, чтобы смѣту называли бюджетомъ—вдвое „украдутъ“.

